

Она видит его далеко не сразу — сперва только слышит. Когда он поднимается, ступеньки скрипят. Шаг за шагом, осторожно. Он старается ступать мягко, не хочет никого разбудить — пока что. Если бы по ступенькам ночью вот так же поднималась она, она дошла бы до конца лестницы бесшумно. А он так не может. Ему ступеньки не знакомы так же, как ей, он не знает, куда лучше ставить ногу.

Она снова крепко, до боли зажмуривает глаза. Дышит глубоко, ровно. Надеется, что он не услышит, как колотится ее сердце: так быстро оно бьется только у человека, который не спит. Не спит и при этом очень боится. Она помнит, как папа дал ей послушать свое сердце. Он побегал вверх-вниз по лестнице раз, наверное, сто, а потом позвал ее: «Слушай, — сказал он. — Слушай, как быстро сейчас бьется сердце. Это оттого, что, когда мы двигаемся, организму требуется больше кислорода, и сердце старается обеспечить его», — объяснил он. А она сейчас лежит неподвижно — и все же сердце у нее бьется сильнее, чем тогда у папы.

Он приближается к ней.

Звук, который издает последняя ступенька, знаком ей — точно так же как шорох ветра на крыше и скрип двери внизу, когда мама приходит домой. Под веками у нее возникают крошечные звездочки. Они кружатся перед ней — так непохоже на небесные звезды, которые движутся лишь изредка, да и то, если очень долго за ними наблюдать. Если повезет. А ей как раз не везет. Она вообще невезучая.

И вот она ощущает, как он встал над ней. Его дыхание — пыхтение, как у старика. До ее ноздрей долетает запах сигарет, и она понимает: стоит ей только поднять взгляд — и она увидит темно-серые глаза. Она машинально чуть-чуть натягивает одеяло, чтобы лучше спрятать лицо. Но сама она спрятаться не может. Вероятно, как раз это маленькое движение ее и выдало: он понял, что она не спит, а только притворяется. Как будто это важно.

Это вообще никогда не бывало важно.

* * *

Эльма не боялась. Но чувство было похожее: ладони вспотели, сердцебиение участилось. Также нельзя было сказать, что она нервничает. Нервничала она, когда ей надо было говорить на публике: тогда она краснела — и не только лицом (тогда красноту можно спрятать под слоем пудры), но и на груди и шее. Эти красные пятна были отчетливо видны.

Когда Эльма в десятом классе пошла на свидание с Видаром, она нервничала. Пятнадцатилетняя девушка с пятнами на груди и слишком накрашенными глазами, которая украдкой выбралась вон из дому и надеялась, что родители не услышат, как за нею закрывается входная дверь. Она подождала его на углу улицы, и оттуда он забрал ее. Он сидел на заднем сиденье: сам был еще слишком молод, чтобы сидеть за рулем, — машину вел его друг. Они недолго ехали и едва успели перекинуться парой слов, как Видар прижался к ней и засунул свой язык ей в рот. Она раньше не целовалась, ей казалось, что этот язык большой и наглый, но она терпела. Друг вел себе машину, а они целовались —

и она замечала, что он порой подглядывает за ними в зеркало заднего вида. Она позволила Видару щупать ее, но только в одежде, и притворилась, что ей нравится. Они тогда ехали по той же самой улице, по которой она ехала сейчас: в динамиках «Лайфхаус», в багажнике сабвуфер. «There's nothing else to lose, there's nothing else to find»*. Вспомнив прошлое, она содрогнулась.

Перед родительским домом тротуар потрескался. Она припарковала машину и какое-то время смотрела на эти трещины, представляла, как они становятся все глубже, все шире, пока ее «Вольво» в конце концов не поглощают зыбучие пески. Эти трещины были там со времен ее детства. В ту пору они, конечно, были меньше, но ненамного. А в синем доме напротив жила Силья, и они с ней часто играли на тротуаре. В одной из их игр самая большая трещина была гигантским ущельем, полным раскаленной лавы и языков пламени, которые тянулись к ним.

Сейчас в синем доме — который был больше не синий, а белый — жила семья с двумя мальчиками. Оба были светловолосые, со стрижкой как у маленьких принцев Валиантов. А где живет Силья, она не знала. В последний раз она разговаривала с ней года четыре назад. Или больше.

Она вылезла из машины и зашагала по направлению к дому. Перед тем как открыть дверь, она бросила взгляд на трещины на асфальте. Сейчас, более двадцати лет спустя, кануть в них казалось не такой уж плохой мыслью.

* Больше нечего терять, больше нечего обретать. (англ.) — Припев из песни американской группы «Lifehouse» «Hanging by a Moment» (2000).

Несколько недель спустя

Проснулась Эльма от ветра. Долго лежала, глядя в белый потолок своей квартиры, и слушала завывание за окном. Когда она наконец вылезла из кровати, время было уже не раннее, и она едва успела машинально накинуть одежду и выбежать вон из дому, прихватив с собой банан, покрытый коричневыми пятнами. Едва она вышла, резкий холодный ветер тотчас принялся щипать ей щеки. Она застегнула куртку, надела капюшон и поспешила вперед. Тротуар в темноте освещали уличные фонари, и после ночного мороза весь асфальт искрился. Скрип ее шагов отдавался эхом в тишине: в то позднегоябрьское субботнее утро прохожих на улице почти не было.

Всего несколько минут назад вышла она из тепла квартиры и уже дошла до светло-серого здания, в котором находилась полиция города Акранеса. Эльма взялась за холодную дверную ручку и постаралась дышать ровно. Зайдя внутрь, она оказалась у столика дежурной, за которым пожилая женщина разговаривала по телефону. Ее светлые волосы были растрепаны,

а лицо загорелое, как будто дубленое. Она выставила вверх указательный палец с красным маникюром, тем самым веля Эльме подождать.

— Йоуи, родной, я ему передам. Я понимаю, что мириться с этим нельзя, но в полицию на такое не заявляют, это же бродячие коты, так что я бы посоветовала тебе позвонить в ветеринарные службы... Йоуи... — Женщина слегка отдалила трубку от уха и послала Эльме извиняющуюся улыбку. — Ну, родной, я ничем не могу помочь. В следующий раз окно закрывай, когда в магазин выходишь... Да, я понимаю, что эти марокканские ковры стоят сумасшедших денег... Ну, Йоуи, мы с тобой позже побеседуем. До свидания, родной. — Она положила трубку и выдохнула: — На Нижнем Мысу от этих бродячих кошек просто спасу нет! Тот мужичок вышел на пару минут в магазин, а окно оставил открытым, — и к нему залез какой-то котяра, напустил лужу и навалил кучу прямо на старый ковер в гостиной! Не повезло мужичку. — Женщина покачала головой. — Но довольно об этом... Тебе я чем могу служить, милая моя?

— Да, здравствуйте. — Эльма откашлялась и вспомнила, что зубы она сегодня не чистила. На языке у нее до сих пор ощущался вкус банана. — Меня зовут Эльма. У меня назначена встреча с Хёрдом.

— Да, я тебя знаю, — ответила женщина, встала и подала Эльме руку. — Меня зовут Гвюдлэйг, но можно называть сокращенно: Гюлла. И ради бога, проходи в помещение. Куртку снимать не надо. Здесь в вестибюле ужасно холодно, я уже которую неделю жду, пока нам починят батарею, но у нашей полиции на такую роскошь явно средств не хватает, — устало проговорила она. — Как поживают твои родители? Они, наверное,

рады, что ты вернулась в родной дом. Таков уж наш Акранес: здесь лучше всего на свете, и многие возвращаются сюда, когда понимают, что в столице жить не слаще. — Эту тираду Гюлла выпалила единым духом, без пауз. Эльма терпеливо ждала, пока она закончит.

— Они хорошо живут, — ответила она, как только получила возможность вставить слово. При этом она пыталась вспомнить, не была ли знакома с Гюллой раньше. С тех пор как она пять недель назад переселилась в Акранес, она постоянно попадала в такие ситуации: совершенно незнакомые люди останавливали ее на улице и заговаривали с ней. Чаще всего оказывалось достаточным просто кивать и улыбаться.

— Ах, прости, я так много болтаю, но ничего, ты привыкнешь. Ты меня, конечно, не помнишь, а ведь мы были соседями по подъезду, когда ты была еще девчушкой шести лет. Я помню, какая ты была хорошенькая, когда в первый день пошла в школу — с таким большим портфелем на спине, — продолжила Гюлла и рассмеялась.

— Да... об этом я кое-что припоминаю — то есть о портфеле, — произнесла Эльма. Она смутно увидела перед внутренним взором эту желтую махину, которую прицепили ей на спину и которая составляла, наверное, четверть ее собственного тогдашнего веса.

— И вот ты вернулась, — улыбнулась Гюлла.

— А то как же! — сконфуженно ответила Эльма. Такого сердечного приема она не ожидала.

— Ну, наверное, я лучше провожу тебя прямо к Хёрду, он предупредил, что он тебя ждет. — И Гюлла жестом позвала Эльму за собой. Они прошли по застеленному линолеумом коридору и остановились у двери

с маленькой металлической табличкой, на которой было выгравировано: «Хёрд Хёскульдссон».

— Насколько я знаю Хёрда, сейчас он нас не слышит, потому что нацепил наушники и слушает радио. Когда он работает — у него постоянно на ушах этот аппарат, прямо не знаю, как так можно. — Гюлла вздохнула, а затем громко постучала в дверь. Не дожидаясь ответа, она сама открыла.

За письменным столом сидел человек и сосредоточенно смотрел на экран компьютера перед собой. Наушники были как раз там, где и предполагала Гюлла. Заметив движение, тот человек поднял глаза и поспешил вынуть устройства из ушей.

— Здравствуй, Эльма, добро пожаловать, — сказал Хёрд с дружеской улыбкой на лице. Он встал и подал ей руку через стол, а потом предложил сесть. Ему было уже хорошо за пятьдесят, волосы тронуты сединой, и неприбранные седые пряди обрамляли его вытянутое лицо. Эльма заметила, что пальцы у него были изящные, а ногти ухоженные. Она представила себе, как он по вечерам сидит дома перед телевизором и орудует пилкой. Она непроизвольно спрятала свои собственные руки в коленях, чтобы не были видны обкусанные ногти.

— Стало быть, ты решила вернуться домой, в Акранес, нам всем на радость, — сказал он, глядя на нее, и откинулся на стуле, скрестив пальцы на груди.

— Ну, можно сказать и так, — ответила Эльма и выпрямила спину. Она вдруг почувствовала себя маленькой девочкой, которую вызвали к директору школы за какую-то провинность. Она ощутила, как щеки у нее запылали, и стала надеяться, что он этого не заметит. Хотя это было маловероятно: утром она не

оставила себе времени на то, чтобы нанести макияж, и сейчас румянец ничто не скрывало.

— Я знаю, что в Рейкьявике ты работала в полиции в отделе расследований; у нас так удачно сложилось, что один сотрудник как раз собрался попробовать подняться по карьерной лестнице в столице, так что ты попадешь, так сказать, на его место. — Он наклонился вперед и подпер щеку рукой. — Должен признаться: когда мне позвонил твой отец, я удивился. Прости за любопытство — но что именно сподвигло тебя вернуться, после пяти лет в Рейкьявике?

— Ну, наверное, я просто по Акранесу соскучилась, — ответила Эльма, стараясь, чтобы ее голос звучал как можно убедительнее. — Я уже давно подумывала вернуться, — добавила она. — У меня же здесь вся родня. А потом здесь продавалась квартира, которая мне понравилась, вот я и подумала: «Надо брать!» — Она улыбнулась, надеясь, что такой ответ устроит собеседника.

— Понимаю. — Хёрд спокойно кивнул, но потом продолжил: — Скорее всего, мы не сможем предложить тебе такие же условия или такой же темп, как в столице, но я тебе гарантирую: хотя Акранес на первый взгляд кажется тихим городком, у нас тут хлопот хватает. Под поверхностью здесь таится много чего, так что скучать тебе не придется. Заманчиво, да?

Эльма кивнула, не понимая, всерьез он говорит или нет. На ее собственный взгляд Акранес и был именно таким тихим городком, каким казался на первый взгляд.

— Как тебе наверняка известно, я начальник отдела расследований, а значит, работать ты будешь под моим руководством. Здесь дежурства суточные, одновре-

менно дежурят четверо полицейских, и у каждого дежурства есть старший. А еще в Акранесе располагается центральный отдел расследований по всей Западной Исландии. У нас дежурства обычные, дневные, как ты привыкла в столице. Давай, я быстренько покажу тебе наши рабочие места? — Он встал, открыл дверь и пригласил Эльму с собой.

Здание полиции в Акранесе не отличалось от зданий полиции в Рейкьявике — только здесь все было более малого масштаба. Здесь господствовала такая же казенная обстановка, как и в других государственных учреждениях. Пол был застелен светло-коричневым линолеумом, на окнах были белые жалюзи и светлые шторы. В кабинетах красовалась мебель из светлой березы. Хёрд указал ей на четыре камеры в дальнем конце здания. «Одна из них сейчас занята: вчера кто-то очень бурно провел вечер, но я надеюсь, что этот бедолага сейчас проснется, и его можно будет отпустить домой», — сказал он, украдкой улыбаясь, поглаживая густую ухоженную щетину у себя на подбородке. Он распахнул пустующую камеру, похожую на камеры в столице: маленькую вытянутую каморку с однопальной койкой.

— Ничего интересного: они везде одинаковые, — сказал Хёрд.

Элма кивнула. Она часто видела такие же камеры в Рейкьявике: серые стены да жесткие койки, на которых никому не хотелось ночевать больше одного раза. Она пошла за Хёрдом в коридор, где начинались кабинеты. У одной двери Хёрд остановился, открыл и велел ей войти. Она подчинилась и окинула кабинет взглядом. Стол был маловат, но там было место для компьютера и всех других необходимых ей вещей.